

Особенности коммуникативного поведения в киберпространстве

ВВОД В ПРОБЛЕМУ

Проблематика прав человека интересовала лучшие умы западного полушария в течение, по крайней мере, двух последних веков. Причем этот интерес носил в основном позитивный характер: определялся корпус прав человека, уточнялись формулировки и пр. Во второй половине XX века проблематика прав человека благодаря скрупулезной работе ученых, дипломатов и чиновников превратилась в глубоко проработанную концепцию прав человека, изложенную в десятках Конвенций и Деклараций ООН, ЮНЕСКО, действие которых не зависит от государственных границ и является универсальным. Всеобщая декларация прав человека 1948 года стала первым документом, в котором были закреплены основные права человека. Первоначально эта декларация являлась рекомендательным актом, но в силу ее широкого применения она стала обязательным актом для большинства стран. В ней провозглашено право человека «искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Это право может быть ограничено законом с целью обеспечения прав других, морали, общественного порядка и общего благосостояния. Ограничение этого права было дополнено в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. целями «охраны государственной безопасности и здоровья и нравственности населения»¹. Можно назвать также Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г., с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 25 марта 1992 г., 11 мая 1994 г.), Европейскую Конвенцию о правах человека и множество других документов.

Эти документы нашли продолжение в национальных конституциях и законах большинства государств-членов ООН.

В сущности, для острого ума теоретические возможности этой проблематики стали казаться исчерпанными, и вся она превратилась в поле приложения сил правозащитников-практиков.

Ситуация изменилась с появлением в XX веке глобальных компьютерных сетей, которые видоизменили совместную деятельность и общение между людьми. Мировая информационная паутина стала

¹ Вокруг этих ограничений и разворачиваются споры сторонников теории свободного потока информации и сторонников цензуры и фильтрации информации.

рассматриваться не просто как техническое расширение информационных возможностей человечества, а как некое принципиально новое пространство, в котором отменяются принципы, правила и законы, действующие в обычном мире.

Для обозначения этой новой реальности стали использовать разные наименования: «виртуальная реальность», «киберпространство» и т.п. Множество светлых умов обратились в эту сферу, дабы исследовать открывающиеся здесь возможности для проблематики прав человека. Было показано, что появление киберпространства как особой среды обитания человека, уже привело к изменению сложившихся в социуме архетипов, ритмов функционирования, эстетических образов, моделей экономической деятельности и форм социальных взаимодействий. Появились и новые формы девиантного (делинквентного) поведения, которые характерны преимущественно для молодых пользователей компьютерных сетей.

«КИБЕРПРОСТРАНСТВО» – ОТ МЕТАФОРЫ К ПОНЯТИЮ

До настоящего времени понятие «киберпространство» используется как интуитивно ясное, не требующее точных дефиниций. Вот какое определение киберпространства дал Верховный суд США: «Уникальный носитель, известный его пользователям как киберпространство, не находящийся на определенной территории, но доступный каждому в любой точке мира через Интернет»²

Между тем, без риска ошибиться, можно сделать вывод о том, что данное понятие употребляется в своем общем смысле скорее как метафора, чем как строгий научный термин. Более определенное и точное содержание имеют лишь его частные смыслы, опирающиеся на конкретные модельные представления, которые еще не упорядочены в общую систему.

В содержании данной метафоры можно выделить несколько различных смыслопорождающих моментов.

Первый подход задается пониманием слова «пространство» как обычного метрического пространства, что позволяет включить его в геополитический дискурс. В рамках данного подхода у любого пространства есть два главных признака: быть вместилищем чего-то и иметь границы³. В

² Цит. по работе: Darrel Menthe, Jurisdiction In Cyberspace: A Theory of International Spaces 4 Mich.Tel.Tech.L.Rev.3 (April 23, 1998) <http://www.law.umich.edu/mttlr/volfour/menthe.html>. В данной работе автор создает теорию, которую он называет "Теория интернациональных пространств". Таких пространств, по его мнению, на данный момент три: Антарктика, космос и открытое море. Автор предлагает рассматривать киберпространство в качестве четвертого интернационального пространства, на которое не распространяется государственный суверенитет. Существуют также попытки выстроить правовую модель киберпространства по модели международного морского права.

³ В геополитике «пространство» является не столько вместилищем государства и его сил (экономических или военных), сколько самостоятельной силой, то есть специфическим ресурсом. Не случайно для геополитики пространство является объектом захвата и удержания государствами. Именно государство (или некая замещающая его структура) является субъектом пространства-территории. Отметим этот тезис, поскольку именно он лежит в основе

геополитическом понимании пространство осваивается, завоевывается, колонизируется. Поэтому сторонники этого подхода считают очень важным точно определять границы киберпространства и защищать их от посягательства враждебных сил.

С геополитической точки зрения, под киберпространством понимают некую виртуальную территорию, которая принадлежит государству, является специфическим государственным ресурсом и должна этим государством регулироваться⁴.

Второй подход задается метафорическим пониманием киберпространства как пространства определенных информационных взаимодействий. При таком подходе понятие «киберпространство» используется как синоним понятия «информационное пространство»; «информационное поле» и т.д.

Наконец, возможен **третий** подход – социальный, в рамках которого киберпространство рассматривается как совокупность определенных структур (индивидов, их групп и организаций), соединенных информационными отношениями, то есть отношениями сбора, производства, распространения и потребления информации с помощью глобальных компьютерных сетей. Для анализа так понимаемого киберпространства может быть использован мощный аппарат современных социологических и социально-психологических концепций.

Не вдаваясь в эти увлекательные материи, обозначу лишь несколько направлений такого анализа.

Первое направление – рассмотрение киберпространства как совокупности специфических **ресурсов**, владение которыми позволяет реализовывать различные внешнеинформационные цели: коммерческие, политические и др.

Так, например, **информация** в интересующем нас контексте может быть осмыслена в качестве некоего социального ресурса, конвертируемого в другие виды ресурсов. Соответственно, информационные процессы могут и должны быть описаны как процессы получения, распределения, перераспределения и потребления специфических ресурсов в пространстве человеческих отношений. Наиболее интересным вопросом в этом контексте является вопрос доступности информации. Очевидно, что именно объем и качество получаемой информации, то есть доступ к информационным источникам является наиболее ясным критерием, на основании которого можно дифференцировать субъектов информационных отношений. Именно доступ к информации является наиболее отчетливым индикатором информационного статуса и всегда означает некое преимущество над кем-то;

геополитического мышления как такового и именно это положение является основной причиной популярности геополитического мышления в России. Геополитики полагают, что именно пространство сейчас стало не просто главным, но, по сути, последним ресурсом России.

⁴ Так, например, в книге "Телекоммуникации и право: вопросы стратегии" под редакцией Ю.М. Батурина предлагается закрепить следующий принцип: суверенитет над национальным сегментом Интернета принадлежит той стране, на территории которой данный сегмент размещается.

обладание информацией и даже просто обладание возможностью получения информации предполагает наличие субъектов, лишенных этой возможности.

С этой точки зрения можно выделить приватный информационный ресурс, различные специальные (или специализированные) информационные ресурсы и массовые информационные ресурсы, в системе которых выделяются журналистика, реклама и паблик рилейшенз, которые чаще всего обозначаются общим понятием масс-медиа.

Второе направление – рассмотрение отношений в киберпространстве в координатах **производство–потребление** специфических товаров и услуг. Например, киберпространство можно рассматривать – с учетом идей французского социолога П.Бурдьё – как распределение различного вида благ и услуг, а также агентов и их групп.

Третье направление дает возможность увидеть киберпространство как **систему отношений** субъектов, занимающих разные позиции и стремящихся к разным целям. В таком случае для описания этих взаимоотношений можно использовать понятия «статусы», «ранги», «роли», «амплуа».

Одним из наиболее интересных аспектов этой проблематики является вопрос об информационных элитах и информационных массах. Ни для кого не секрет, что в киберпространстве есть некие зоны, области, в которых концентрируются основные источники качественной информации, и есть части, где концентрация качественной информации очень низка. Элита там, откуда слышны голоса, к которым прислушиваются, которым доверяют. Где та граница, та условная черта, которая разделяет киберпространство на элитарную и массовую части? Возникает ли эта граница стихийно, или она является результатом сознательной деятельности членов элит, преследующих свои информационные интересы?

ТРИ ЭТАПА ОСВОЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ»

Как уже было сказано выше, с появлением киберпространства возникли новые измерения у проблемы прав человека. Аспекты этой проблемы, которые потребовали правовой проработки, глубоко проанализированы в книге «Интернет и гласность», авторы которой выделили следующие конституционные права и свободы граждан, имеющие отношение к киберпространству:

- свобода мысли и слова;
- право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию;
- свобода СМИ, запрет цензуры;
- право распространять религиозные и иные убеждения;
- право на получение официальной информации (о состоянии окружающей среды, о фактах, создающих угрозу жизни и здоровью людей);
- свобода выбора языка общения и творчества;

- свобода творчества, охрана интеллектуальной собственности;
- свобода предпринимательской деятельности, и ряд других⁵

Многих волнуют проблемы безопасности данных, в первую очередь персональных данных; защита от информационных атак на почтовые ящики; защита граждан и всего общества от распространения сведений, затрагивающих честь и достоинство граждан; распространение порнографии, расистской и экстремистской политической пропаганды в режиме «он лайн» и т.д.

Однако если проанализировать содержание огромного количества работ, посвященных правам человека в киберпространстве, то становится очевидным, что большая часть авторов видит свою главную задачу не в анализе сущности прав человека в киберпространстве, а в доказывании вредной роли государства в киберпространстве. Собственно говоря, о правах человека обычно даже речь не ведется, главный смысл множества выступлений и публикаций – не пустим государство в наше киберпространство. И это понятно. Бурное развитие Интернета, информационно-коммуникационных технологий вызывает пристальное внимание правительств всех стран. Не будем кивать на Китай, Сингапур или Объединенные Арабские Эмираты, прославившиеся своими весьма жесткими мерами по контролю за Интернетом. В российской Государственной Думе также имеются проекты законов «О государственной политике по развитию и использованию сети Интернет», «О регулировании российского сегмента Интернета» и др.

Можно выделить три этапа освоения проблематики прав человека применительно к этому удивительному творению человеческого разума, которое называется Интернетом.

Первый этап можно назвать романтически-утопическим. Он связан с именем Джона Перри Барлоу и его знаменитой и одно время очень популярной среди российских киберправозащитников «Декларацией Независимости Киберпространства»⁶.

Суть этой Декларации выражена в ее первой фразе *«Правительства Индустриального мира, вы - утомленные гиганты из плоти и стали; моя же Родина - Киберпространство, новый дом Сознания. От имени будущего я*

⁵ Волчинская Е., Терещенко Л., Якушев М. Интернет и гласность. М., 1999. с.5-7.

⁶ Джон Перри Барлоу - основатель и вице-председатель Фонда электронных рубежей (Electronic Frontier Foundation), организации, посвященной исследованию социальных и правовых проблем, связанных с Киберпространством, и защите свободы на Интернете. Он признанный авторитет по вопросам компьютерной безопасности, виртуальной реальности, а также социальным и правовым проблемам, возникающим в глобальной сети связанных между собою компьютеров. В феврале 1996 года он опубликовал «Декларацию независимости Киберпространства», которая может считаться классикой Интернетовского либертарианства. Непосредственным поводом к его написанию послужило принятие правительством США Билля о благопристойности коммуникаций (Communication Decency Act), суть которого - в введении цензуры на Интернете. Несмотря на то, что Билль, подписанный президентом Клинтонем в качестве составной части Закона о реформе телекоммуникаций, решением федерального суда был признан антиконституционным, борьба сторонников и противников свободы на Интернете продолжается. "Декларация" Барлоу еще долго будет сохранять свою актуальность.

прошу вас, у которых все в прошлом, - оставьте нас в покое. Вы лишние среди нас. Вы не обладаете верховной властью там, где мы собрались».

И еще несколько цитат.

«Мы не приглашали вас. Вы не знаете ни нас, ни нашего мира. Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как если бы оно было объектом государственного строительства. Вы не способны на это...». «Вы не знаете нашей культуры, нашей этики и неписаных законов, которые уже сейчас обеспечивают нашему обществу больший порядок, чем тот, которого можно достичь вашими наказаниями и запретами».

«Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства».

«Ваши правовые понятия собственности, выражения, личности, передвижения и контекста к нам неприменимы. Они основаны на материи - здесь материи нет. Наши личности не имеют тел, поэтому, в отличие от вас, мы не можем достичь порядка посредством физического принуждения. Мы верим, что наш способ правления возникнет на основе этики, просвещенного эгоизма и общего блага. Наши личности могут охватить многое, что находится в вашей юрисдикции. Единственный закон, который признают практически все входящие в наш состав культуры, - это Золотое Правило. Мы надеемся, что сможем отыскивать частные решения, исходя из этого общепологающего принципа. Но мы не можем принять решения, которые вы стараетесь навязать».

«В Китае, Германии, Франции, России, Сингапуре, Италии и Соединенных Штатах вы пытаетесь установить информационный карантин, дабы предотвратить распространение вируса свободомыслия, воздвигнув заставы на рубежах Киберпространства. Эти меры способны сдерживать эпидемию некоторое время, но в мире, который скоро весь будет охвачен средством коммуникации, несущим биты, они не будут работать».

Ваша все более и более устаревающая информационная промышленность желала бы увековечить свое господство, выдвигая законы, - как в Америке, так и в других странах - требующие права собственности на саму речь по всему миру. Эти законы провозглашают, что идеи - всего лишь еще один промышленный продукт, благородный не более чем чугунные чушки. В нашем же мире все, что способен создать человеческий ум, может репродуцироваться и распространяться до бесконечности безо всякой платы. Для глобальной передачи мысли ваши заводы больше не требуются».

Таким образом, Джон Барлоу заявил о принципиальной экстерриториальности киберпространства, в пределах которого не действуют никакие законы, кроме тех, которые установят для себя те, кто в этом пространстве живет.

Другими словами, Интернет с этой точки зрения – это некое убежище, куда можно сбежать из этого мира и где можно говорить все, что ты думаешь без оглядки на власть, силу, право. Размышляя о том, как далеко может завестись реализация этого подхода, несложно прийти к выводу о том, что Интернет вовсе не будет способствовать расширению культурного диалога, а просто предоставит возможность объединиться различным группам и группкам, которые будут жить невидимыми сообществами, презирая участников всех остальных сообществ. Как написано в одном из Интернетовских текстов, «наблюдая Usenet, легко видеть, как в общем нормальные люди, проживая в Сети лет пять, на глазах превращаются в экстремистов». И там же дан такой прогноз: «Вместо цивилизации взаимно уважающих, однородных и вполне нормальных индивидуумов - мир, населенный стайками дикарей и уродов, презирающих всех и всякого, лишенных взаимной коммуникации».

Мечты Барлоу о чистом мире сознания, воплощенном в киберпространстве, довольно быстро разбились о грубую практику жизни. Оказалось, что Интернет отнюдь не идеальная планета из фильма «Кин-дза-дза», где царствует чистое сознание, а большой бизнес и большая политика в их самых отвратительных формах. И именно они задают совершенно прагматические измерения, касающиеся журналистов, политиков, коммерсантов, которых интересуют возможности распространить информацию о себе в глобальном масштабе. Отсюда огромное количество политических и коммерческих сайтов, отсюда электронные версии газет и журналов, теле- и радиопрограмм. Соответственно, требование полной экстерриториальности оказалось на руку совсем не тем, от имени кого выступал Барлоу.

В результате осознания этой прозы жизни примерно на рубеже тысячелетий наступил **второй этап борьбы за права человека в киберпространстве, который можно назвать правозащитным этапом.** Для этого этапа характерна несколько иная, по сравнению с Декларацией Независимости Киберпространства Барлоу, идеология. Лозунг полной экстерриториальности киберпространства снят с повестки дня. Главное требование – как и во времена первых советских диссидентов – «соблюдайте собственные законы». Правозащитники, работавшие и продолжающие работать в киберпространстве, стали требовать от правительств гласности решений, принимаемых по поводу контроля за информационными потоками в Интернете, соблюдения общепринятых норм, зафиксированных в Декларации прав человека и других документах ООН и ЮНЕСКО.

Соответствующие материалы располагаются на десятках, если не сотнях сайтов. Существует международная сеть, которая ведет мониторинг нарушений прав человека в Интернете и регулярно информирует общественность, размещая в Сети свои информационные материалы⁷.

Киберправозащитники указывают на то, что если традиционные механизмы цензуры касались только тех, кто занимался разнообразными СМИ, оставляя место для частных мнений и "ограниченного инакомыслия", то цензура в Интернете будет давить на всех, потому что в Интернете каждый участник - это маленькое (или не маленькое) СМИ. Где граница между личной перепиской трех человек, списком рассылки на 100-200 участников и мирового масштаба ньюсгруппой? Если, например, определить, что до 100 человек - это частное дело, а после 100 пора звать цензора, то будет просто N групп по 100, копирующих сообщения друг у друга. Остается один путь: контролировать информацию независимо от ее распространенности. Таким образом, эффективная цензура в Интернете подразумевает тотальное сканирование текстов пользователей Сети⁸

Борцы за свободу киберпространства указывают на то, что Интернет, как следует из самого слова, интернационален. Таким образом, проведение единой цензурной политики подразумевает либо появление какого-то мифического «мирового правительства», которое способно осуществлять цензуру по единым принципам в мировом масштабе (точнее - в масштабе всех стран, так или иначе включенных в Интернет) путем ограничения предоставляемой информации, то есть контроля за всеми серверами Интернета, либо введения цензуры локально в каждой стране с контролем трафика пользователей. Первый вариант совершенно невозможен.

⁷ Уникальным по полноте и информационной насыщенности ресурсом в области защиты персональных данных в электронной среде является сайт организации EPIC (www.epic.org). Около 80 известных американских изданий регулярно помещают на своих страницах информацию EPIC и отзываются о нем как о лучшем источнике в данной предметной области. Наиболее подробно разработаны: новостная лента, рубрики, посвященные событиям, книгам, периодический онлайн-бюллетень последних событий, список основных заседаний и решений комиссий Конгресса США, посвященных теме соблюдения прав на защиту личной информации, технологический инструментариум обеспечения конфиденциальности в электронной среде, список судебных дел, возбужденных или выигранных юристами Центра.

На сайте есть большая и хорошо структурированная библиотека онлайн-ресурсов по теме и значительное количество документов по таким потенциально нарушающим права граждан проектам спецслужб, как Carnivore и Echelon.

Из российских сайтов можно отметить портал «Права человека в России». (www.hro.org) Портал создан российской общественной организацией «Правозащитная сеть». Он посвящен всем многочисленным проблемам, связанным с правами человека в России, но не обходит стороной и актуальный вопрос обеспечения прав личности при использовании Интернета. В разделе «Документы» размещена интересная подборка материалов по темам:

Международные документы по правам человека;

Национальное законодательство и права человека;

Доклады общественных организаций по правам человека;

Экспертные заключения на проекты законодательных актов и по отдельным делам.

В разделе «Библиотека» много оригинальных материалов наших правозащитников. Кроме того, интерес представляет русский перевод ежемесячного электронного бюллетеня «Глобальной кампании за свободы в Интернете» (GILC). На сайте размещены подробные материалы международной конференции «Окно в свободный мир - 2000»

⁸ www.fe.msk.ru/libertarium/sorm/index.html

Достаточно представить в этом гипотетическом органе представителей Северной Кореи, Чечни, России, США и т.д., каждого со своими интересами и представлениями о норме. Второй вариант - это, по сути, шаг обратно к автаркии и тотальной слежке.

Однако, несмотря на мощное развитие киберправозащитного движения, приходится признать, что власти многих стран, и Россия здесь не исключение, не просто время от времени заходят в киберпространство, но во все большей степени берут его под свой полный контроль⁹.

Я уж не говорю о том, как масштабно силовые ведомства используют возможности Интернета для реализации своих задач, очень и очень далеких от защиты прав человека. В США правозащитники пытаются признать незаконной систему слежения за пользователями Интернета Carnivore. Организация EPIC (Информационный центр по защите частной жизни в электронной среде) подала судебный иск на основании "Акта о свободе информации" с требованием опубликовать исходный код Carnivore, другие технические детали и юридические аргументы, оправдывающие применение технологии, потенциально нарушающей права граждан. Чуть позже ACLU (Американский союз гражданских свобод) потребовал от конгресса воздействовать на ФБР и предоставить своим экспертам доступ к коду программы, чтобы выяснить, действительно ли программа отслеживает действия лишь подозреваемого или заодно всех пользующихся услугами "подключенного" провайдера. И хотя по решению суда ФБР пришлось

⁹ Во Вьетнаме принят закон, согласно которому желающие разместить информацию в Интернете должны сначала получить лицензию в Министерстве культуры.

В Китайской народной республике, Интернет-ассоциация Китая (национальный орган, курирующий пользование Интернетом) заставила вебмастеров подписать обязательства не размещать во «всемирной паутине» информацию, «наносщую вред национальной безопасности и стабильности».

Европарламент принял Конвенцию по киберпреступлениям, которая, среди прочего, обязывает страны-члены Европейского союза принять законы, требующие от провайдеров и телефонных операторов сохранять полные записи всех коммуникаций.

Канадские законодатели одобрили так называемый антитеррористический закон С-36, ужесточающий контроль над средствами электронной связи.

В Финляндии после того, как бомбист-самоучка изготовил взрывное устройство, которое унесло жизни семи человек, в том числе и его собственную премьер-министр выступил с заявлением о том, что в Интернете пора вводить цензуру.

Всего, по исследованиям организации «Журналисты без границ», 53 государства осуществляют цензуру в Интернете. «Под предлогом защиты от распространения разрушительных идей и ради гарантии безопасности национального единства» 20 стран (среди которых Саудовская Аравия, Азербайджан, Китай, Куба, Казахстан, Ливия, Сьерра Леоне, Туркменистан, Судан, Сирия, Тунис и другие) запрещают своим гражданам иметь доступ в Интернет или ставят серьезные ограничения на пользование материалами всемирной компьютерной сети.

Ответом на все эти действия стал закон о свободе глобальной сети Интернет (Резолюция Палаты представителей № 5524), написанный конгрессменом Коксом в сотрудничестве с другим влиятельным калифорнийским конгрессменом Томом Лантосом, Закон предполагает выделение 100 млн. долларов США в течение 2-х лет на создание Офиса глобальной свободы сети Интернет, который будет действовать в рамках Бюро по международному вещанию. Его целью станет борьба с зарубежной цензурой. Закон, по мнению его создателей, поможет народам Китая, Кубы, Казахстана, Лаоса, Северной Кореи и многих других деспотических и репрессивных режимов обойти правительственную цензуру и получить доступ к запрещенным ресурсам сети, включая сайты изданий "Нью-Йорк Таймс", "Вашингтон Пост", правозащитной организации "Хьюман Райтс Вотч" и оппозиционные сайты этих стран.

рассекретить часть документов, связанных с этими разработками, известно, что сейчас ФБР работает над новыми версиями программы - Carnivore 2.0 и 3.0. (www.stopcarnivore.org).

Отечественная разработка СОРМ-2, подготовленная рабочей группой, состоящей из представителей ФСБ России, Госкомсвязи, ЦНИИС и Главсвязьнадзора, во многом схожа с Carnivore - начиная с анализа по ключевым словам (взрыв, убийство, наркотики и т.п.) и заканчивая "черными ящиками". Фактически СОРМ-2 начала внедряться летом 1998 года, а сейчас это оборудование есть у всех компаний, занимающихся сотовой связью, и у большинства крупных Интернет-провайдеров.

Но подобные системы, которые, кстати, уже разрабатываются и внедряются в других странах, все равно выглядят игрушками по сравнению с грандиозной глобальной электронной системой перехвата под названием Echelon. Она была разработана Агентством национальной безопасности (NSA) США в 1971 году и использовалась совместно с Главным управлением правительственной связи Великобритании. Про "Эшелон" говорят, что "англичане отказываются говорить о нем, американцы предоставляют крайне скудные сведения с массой оговорок, а французы верят, что он много лет ворует их секреты".

Источниками информации служат Интернет, электронная почта, телефон, факс. Сейчас Echelon - это более ста спутников-шпионов, наземные станции слежения и подслушивания, суперкомпьютеры серии Cray, созданные по спецзаказу для NSA компанией Silicon Graphics, каждый из которых стоит больше, чем весь Carnivore, если их, конечно, можно сравнивать. В функционировании "Эшелона" также принимают участие специальные службы и соответствующие технические мощности Канады, Австралии и Новой Зеландии.

Все компьютеры образуют отдельную Сеть под названием "Словарь" (Dictionary). В них содержатся ключевые слова, электронные адреса людей и организаций, а также оцифрованные "отпечатки" голосов интересующих абонентов. Сомнительные случаи после нескольких уровней тщательной проверки остаются в памяти компьютеров АНБ - утверждают, что система способна проанализировать и запомнить до 3 миллиардов сообщений в день. По мнению экспертов, в службах АНБ, занятых в "Эшелоне", работают до 30 тысяч сотрудников разных специальностей - математики, программисты, лингвисты, криптологи. Много неожиданного про Echelon можно найти на правозащитном сайте www.echelonwatch.org.

И похоже, что все нынешние разработки спецслужб в области Интернета при их спорной эффективности почти всегда связаны с нарушением законов о неприкосновенности частной жизни.

И если это происходит в странах с чрезвычайно мощными гражданскими структурами, то ситуация в странах, где гражданское

самосознание населения близко к нулю, традиционное противостояние правозащитников и государства очень эффективно, но малоэффективно¹⁰.

Все это привело к тому, что наступил **третий этап борьбы за права человека в киберпространстве, который можно назвать прагматическим**, и он проходит под лозунгами сотрудничества с государством в деле соблюдения права на доступ к информации.

В этом смысле очень показательна Резолюция четвертой всероссийской конференции «Право и Интернет: теория и практика». В Резолюции говорится:

«Участники Конференции солидарны в том, что проблемы свободного доступа к информации являются в настоящий момент одними из наиболее актуальных для развития информационного общества и совершенствования информационных процессов в современной России. Наличие свободного доступа к информации, публичным информационным ресурсам, информационной инфраструктуре является важнейшим показателем реальной осуществимости информационных прав граждан и эффективности законодательства о праве на информацию.

Участники Конференции не могут признать удовлетворительным современное состояние законодательства и правоприменительной практики в сфере обеспечения доступа к информации. Основными проблемами в этой сфере являются несистемность и противоречивость законодательства, невнятность используемого понятийного аппарата, наличие в нем значительного количества пробелов, общая слабость нормативной базы, обуславливающая невразумительную практику применения норм закона.

Участники Конференции считают необходимым указать, что решение проблемы реального обеспечения прав граждан на доступ к информации невозможно без проведения грамотной и системной государственной политики в этой области. Вмешательство государства должно быть сосредоточено на создании механизма осуществления прав граждан на доступ к информации. Не должны, под предлогом совершенствования защиты прав граждан, приниматься меры, неоправданно ограничивающие свободу деятельности субъектов, свободу реализации ими принадлежащих им конституционных прав».

Я сознательно привел такую длинную цитату, чтобы показать, насколько изменилась по сравнению с Декларацией Независимости

¹⁰ Одной из важнейших проблем, нерешенность которых тормозит формирование в России демократических механизмов власти, является отсутствие в регионах влиятельных негосударственных организаций. Если в США на 1 млн. жителей приходится 4,334 НГО, а в Канаде 4,800 на 1 млн. жителей, то в России около 400 НГО на 1 млн. жителей.

Киберпространства не только стилистика документов, но и отношение к государству и государственной политике.

После этого вряд ли удивят содержащиеся в Резолюции предложения:

«Участники Конференции предлагают принять следующие меры, направленные на решение проблем обеспечения прав граждан на доступ к информации:

- 1. Создание единого информационного пространства органов государственной власти, обеспечение свободного доступа к информационным ресурсам государственных органов, внедрение технологий "электронного государства".*
- 2. Разработка программных основополагающих документов, призванных составить основу дальнейших мер государственных органов по проведению государственной политики в этой области. Таким документом может стать Концепция правового регулирования применения ИКТ в РФ, представленная на Конференции.*
- 3. Активное использование международного опыта законодательной деятельности в области обеспечения прав на доступ к информации. Должны быть учтены требования международных правозащитных организаций, международных организаций, направленных на содействие экономическому и социальному развитию.*
- 4. Переход к использованию механизмов саморегулирования участников информационных процессов. Должны быть разработаны механизмы ответственности саморегулируемых организаций перед их участниками, механизмы сотрудничества государственных органов с саморегулируемыми организациями, механизмы контроля за соблюдением саморегулируемыми организациями законодательства и защиты прав их участников.*
- 5. Использование механизмов "обратной связи", позволяющих своевременно обнаружить недостатки в законе и правоприменительной практике и принять меры к их устранению».*

И завершающий абзац Резолюции:

«Участники Конференции выражают надежду, что предложения, содержащиеся в настоящей Резолюции, будут использованы органами государственной власти Российской Федерации для совершенствования политики государства в области обеспечения прав граждан на доступ к информации, создания эффективного законодательства в этой области.

Участники Конференции считают необходимым подготовить все необходимые документы и принять все необходимые меры к моменту проведения Всемирного саммита по информационному обществу (Женева, 2003 год) для того, чтобы иметь возможность обсудить достижения и недостатки российской государственной

политики в ИКТ секторе на международном уровне и принять необходимые меры по корректировке принятых решений».

ЧТО ДЕЛАТЬ ГОСУДАРСТВУ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ?

Таким образом, правозащитное движение в российском сегменте киберпространства за несколько лет прошло путь от полного и высокомерного отрицания права государства на вмешательство в дела жителей киберпространства до практически безоговорочного признания права государства на собственную политику в области ИКТ со слабо выраженной надеждой, что государство учтет высказанные от имени этих жителей предложения. Ситуация грустная, но для нынешней России вполне естественная¹¹.

Опыт показывает, что современное государство является неизбежным и обязательным участником любых информационных процессов, и требование его изгнания из киберпространства звучит нереалистично. Концепция, согласно которой роль государства в Интернете должна быть всячески ограничена и правозащитное сообщество должно строго следить за тем, чтобы государство не переступало отведенные ему границы, возможно, годится для высокоразвитых стран, с сильными демократическими традициями, с сильным государством и не менее сильным гражданским обществом. Для стран типа России, с традиционно сильной властью, но со слабым гражданским обществом, атомизированным населением, сохраняющим самые причудливые идеологические и социально-психологические предрассудки¹², можно говорить о трех формах эффективных взаимоотношений с государством по поводу прав человека в киберпространстве: «общественный договор», «общественный диалог», «социальное партнерство».

В сегодняшней практике под отношениями общественного договора следует понимать ситуацию, когда общественные структуры и власть договариваются о четких границах взаимодействия и взаимных обязательствах. Именно так строятся взаимоотношения между многими правозащитными, экологическими организациями и местной властью. Например, в Законе "О взаимодействии органов власти Москвы с негосударственными некоммерческими организациями" выделены следующие направления такого взаимодействия:

- обсуждение проектов социальных программ;

¹¹ Разумеется, нарисованная в этом докладе схема очень грубо воспроизводит реальность. На самом деле все три подхода в настоящее время сосуществуют и их сторонники спорят друг с другом. Однако общая тенденция очевидна.

¹² Проведенное в рамках проекта «Региональные СМИ и демократия в России» исследование показало, что независимо от восприятия собственного положения и ситуации в стране население, как правило, поддерживает верховную власть и в случае конфликта власти с прессой обычно становится на сторону власти. Все это дает основание для вывода о том, что в целом для населения характерен *политический конформизм*, проявляющийся в отношении как к центральной, так и к региональной власти.

- проведение конкурсов социально-значимых программ;
- проведение экспертизы социально-значимых программ и проектов;
- совместная разработка социальных программ;
- размещение социального заказа;
- предоставление налоговых льгот и льгот неналогового характера.

Говоря об отношениях типа «**общественный диалог**», мы имеем в виду ситуацию, когда между властью и общественными структурами формируется режим постоянных консультаций¹³. Общественный диалог может быть весьма продуктивным. Разумеется, среди правозащитников есть радикалы, которые считают, что переговоры с властью - пустая трата времени. Однако есть и другие. В России в предыдущие годы предпринимались серьезные усилия для формирования режима общественного диалога. Достаточно напомнить о Гражданском форуме, открывая который Председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева подчеркнула, что в современном мире политическая стабильность и экономическое процветание отличают те страны, где гражданское общество и власть научились быть не только оппонентами, но и партнерами, научились совместно решать проблемы, которые ни общество не может решить без власти, ни власть - без общества.

«К сожалению, - констатировала Л. Алексеева, - Россия еще не входит в число таких стран. У нас разрыв между властью и гражданами огромен. Власть глухо отделена от них и не знает толком, чем они живут, а они не верят власти и опасаются ее. Неполитические общественные организации призваны сократить этот вопиющий разрыв. Но ни в коем случае не в качестве то ли опоры, то ли политического резерва власти, а только в качестве равноправного партнера ее, потому что мы озвучиваем конкретные интересы наших граждан, их социальные и гражданские инициативы. В частности, и перед властью озвучиваем. На этом Форуме мы должны определить круг первоочередных проблем, которые общество и власть не могут решить отдельно. Мы должны выработать механизмы взаимодействия общественных организаций и государственных структур для решения этих проблем».

На Форуме была найдена новая форма общения власти и общественных организаций - Круглые столы. К сожалению, красивые декларации, прозвучавшие на Форуме, так и не были воплощены в жизнь.

Что касается **социального партнерства**, то, несмотря на кажущуюся понятность и очевидность, этот термин не всеми воспринимается однозначно. Для представителей некоммерческих организаций смысл понятия «социальное партнерство» состоит в налаживании конструктивного взаимодействия между тремя силами, действующими на общественной арене России, - государственными структурами, коммерческими предприятиями и

¹³ Об общественном диалоге см.: Реснянская Л.Л. Двусторонняя коммуникация: методика организации общественного диалога. - М., 2001; Груша А.В. Формы и методы организации взаимодействия субъектов политики. Пресса и политический диалог. - М., 2001.

некоммерческими организациями (условно называемыми первым, вторым и третьим секторами). Такое взаимодействие необходимо, чтобы совместными усилиями решать значимые социальные проблемы, такие, например, как оказание помощи бедным, бездомным, инвалидам и сиротам, борьба с различными проявлениями насилия (в семье, по отношению к женщине и др.), снижение или устранение загрязнения окружающей среды, сохранение культурного и исторического наследия и т.п.

Существующие наработки позволяют сказать, что социальное партнерство возникает тогда, когда представители трех секторов (или любой пары из них) начинают работать совместно, осознав, что это выгодно каждой группе и обществу в целом. Это означает, что в основе социального партнерства лежит следующее:

- заинтересованность каждой из взаимодействующих сторон в поиске путей решения социальных проблем;
- объединение усилий и возможностей каждой из сторон в преодолении важных проблем, решение которых поодиночке неэффективно;
- конструктивное сотрудничество между ними в разрешении спорных вопросов;
- стремление к поиску реалистичных решений социальных задач, а не к имитации такого поиска;
- децентрализация решений, отсутствие государственного патернализма;
- взаимоприемлемый контроль и учет интересов;
- правовая обоснованность кооперации, предоставляющая выгодные каждой стороне и обществу в целом условия взаимодействия.

Как пишет руководитель центра «Социальное партнерство» (Москва) И. Леонова¹⁴, «стратегия социального партнерства ориентирована на достижение устойчивого развития территории и местного сообщества (цель - развитие!).

Составляющие стратегии социального партнерства:

- партнерское мышление;
- взаимное дополнение;
- доленое участие;
- разнообразие форм объединения субъектов развития;
- поэтапное использование технологий партнерства»¹⁵.

Обобщая все сказанное выше, можно сделать вывод о том, что обращенные к государству просьбы усовершенствовать свою политику в

¹⁴ См., например: <http://www.a-z.ru/spcenter/4/index.htm>

¹⁵ <http://www.spcenter.ru/publics/1spcenter120301.html>. Подробнее о технологиях социального партнерства см.: <http://province.smolensk.ru/socpartner/menu.htm>

области обеспечения прав граждан на доступ к информации сильно упрощают задачу защиты прав человека в киберпространстве.

Во-первых, у человека существует не только право на информацию, но и право на коммуникацию, которое зафиксировано в документах ООН и обеспечение которого также входит в обязанности современного государства.

Во-вторых, государство должно – раз уж мы признаем его право присутствовать в киберпространстве – пойти на сотрудничество не только с бизнесом, что оно уже делает и весьма успешно, но и с правозащитными и общественными структурами, без консультации с которыми не может приниматься никакое решение, затрагивающее права человека в киберпространстве. При этом должны быть выработаны стандарты гарантий прав человека, соблюдение которых должно быть обязательным условием сотрудничества. Как бы ни были сформулированы эти стандарты, в них обязательно должны быть обозначены два важнейших права человека в киберпространстве: право свободно получать новости и информацию через Интернет и право свободно собираться и общаться друг с другом через Интернет.

И, в-третьих, должна быть подвергнута переосмыслению основная установка роли государства в киберпространстве.

В 90-х годах, когда в США, Канаде и других развитых странах разрабатывали идеологию информационной супермагистрали и открытого общества, аналогичные идеи бродили и в головах некоторых российских ученых. Тогда на суд общественности были представлены такие документы, как Концепция правовой информатизации (1993 г.); Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов (1995 г.); Концепция государственной информационной политики; Концепция формирования информационного общества в России (1999 г.) и др. Все эти документы так и остались практически невостребованными.

Что касается Концепции правовой информатизации (утвержденной Указом Президента РФ от 28 июня 1993 г. № 966), а также Президентской программы «Правовая информатизация органов государственной власти Российской Федерации» (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 4 августа 1995 г. № 808)¹⁶, то функции головного исполнителя были возложены на Федеральное агентство правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации (ФАПСИ), как единственно возможную организацию, «обладающую мощным научно-техническим потенциалом в сочетании с развитыми средствами коммуникации». Для этого в составе ФАПСИ было образовано Главное управление обеспечения правовой информатизации с возложением на него

¹⁶ Основным направлением этой работы было определено создание и развитие в 3 этапа к 2000 г. общегосударственной правовой системы, охватывающей все республики, края, области России, создание региональных абонентских сетей, предоставляющих информационно-правовые услуги гражданам и организациям.

координации работ и проведения государственной политики в области правовой информатизации России¹⁷.

Судьба Концепции формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов, первоначально одобренной решением Президента РФ от 23 ноября 1995 г. № Пр.-1694, была более печальной. Концепция устанавливала в качестве главной цели осуществления государственной политики в области информатизации России - формирование и развитие единого информационного пространства. Особенностью этого документа стало то обстоятельство, что разработку комплекса мер по его реализации, как и координацию работ по формированию и развитию единого информационного обеспечения в целом было предложено возложить на Комитет при Президенте Российской Федерации по политике информатизации (Роскоминформ), а ФАПСИ упоминалось там уже во вторую очередь. Также было предложено дополнить функции Координационного совета по информатизации Администрации Президента Российской Федерации функцией координации формирования государственных информационных ресурсов при тесном его взаимодействии с Межведомственной комиссией Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности. В результате наметившегося тогда противостояния двух ведомств при Президенте РФ в борьбе за право называться головным при формировании единого информационного пространства России Роскоминформ ликвидировали, а Концепцию отложили. «Победил» ФАПСИ, но проиграла в итоге Россия.

Третья попытка была предпринята в 1997 году, когда Институтом системного анализа РАН, НТЦ «Информрегистр», ВНИИПВТИ и другими организациями по поручению Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации совместно с Комитетом Государственной Думы РФ по информационной политике и связи, был разработан проект Концепции государственной информационной политики (одобрен решением Комитета Государственной Думы РФ по информационной политике и связи в 1999 году).

Целью Концепции и областью ее применения были заявлены конкретизация и уточнение основных направлений деятельности органов государственной власти по становлению информационного общества в России, формированию единого информационного пространства России и ее вхождению в мировое информационное сообщество. По мнению некоторых специалистов, ряд важных признаков информационного общества не нашел отражения в задачах государственной политики по его формированию, что делает этот проект Концепции неполным. Также нельзя, очевидно, согласиться и с выводом авторов проекта о том, что необходимость решения столь масштабных задач «требует управления всеми видами

¹⁷ В.Н.Лопатин. Теоретико-правовые проблемы защиты единого информационного пространства страны в условиях глобального информационного общества. В кн.: Информационная безопасность России в условиях глобального информационного общества. М.: 2001. с.119.

информационных ресурсов, элементами информационно-телекоммуникационной инфраструктуры» В условиях современного роста информационных ресурсов и их объема требовать от государства управлять всеми ресурсами просто невозможно и бесперспективно¹⁸.

Все эти попытки завершились подписанием в феврале 2008 года «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации»¹⁹.

Такова история попыток участия российского государства в развитии информационного пространства страны. Параллельно шли разговоры о том, что на наше информационное пространство непрерывно покушаются и нам надо укреплять информационную безопасность. До поры, до времени эти разговоры казались неопасными мечтаниями информационщиков в погонах. Но довольно быстро стало ясно, что сплоченная группа «спасителей информационного пространства» подмяла по себя «информационное сообщество» и диктует правила игры. Результатом этой игры стала Доктрина информационной безопасности. Об этой Доктрине столько написано, что повторяться нет смысла. И не в Доктрине дело. Тем более, что в ней много трезвых и правильных положений, под которыми подпишется любой здравомыслящий человек. Дело в акцентах. В этом документе неистребимый акцент автора - Совета безопасности. В результате и получилась не национальная доктрина участия России в построении глобального информационного общества и даже не федеральная целевая программа развития информационной инфраструктуры, а именно Доктрина информационной безопасности. И ругать за это Совбез нелогично: каждый делает то, что умеет.

Специфика Совбеза предопределила не только логику построения, но и стилистику Доктрины. Профессор М.А.Федотов сравнил Доктрину информационной безопасности и Окинавскую хартию. Выяснилось, что по объему эти документы соотносятся примерно как 4 к 1, а по тематике совпадают. Авторов обоих документов волнует вопрос: как строить жизнь общества и государства в условиях новых информационных и коммуникационных технологий. Но достаточно посмотреть частоту повторений в обоих текстах ключевых слов, чтобы понять, насколько различны подходы авторов Доктрины и Хартии. Такое ключевое слово, как «безопасность», в Доктрине повторяется 133 раза, в Хартии - 2, «оборона» соответственно 20 и 0, «организация частного сектора» - 1 и 11, «СМИ» - 27 и 0.

Стоит ли ворошить прошлое? Мне кажется, стоит. Надо понять, что победа авторов и сторонников Доктрины информационной безопасности над авторами и сторонниками идей информационного развития не случайность. На эту победу работали глубинные социокультурные и политические факторы. Победа концепции безопасности стала логическим завершением

¹⁸ В.Н.Лопатин, там же, с.120.

¹⁹ Опубликовано в "РГ" - Федеральный выпуск №4591 от 16 февраля 2008 г.

системы старого, нерелексивного тоталитарного мышления в сфере функционирования информационных процессов.

Но одновременно надо понять изначальную проигрышность господствующей ныне стратегии «борьбы с опасностями и защиты от них», в том числе борьбы с преступностью, защиты от внешних и внутренних врагов, защиты природы и т.д., и т.п.

Стратегия «борьбы и защиты» проигрышна в принципе по двум причинам. Во-первых, она направляет усилия не на корни и источники негативных явлений, а на симптомы болезни. Во-вторых (и это даже важнее), «борьба и защита» ориентированы всегда на противостояние внешнему врагу и преодоление внешних неприятностей.

Пресловутый раскол информационного сообщества на сторонников информационной безопасности и сторонников информационной открытости является не столько следствием социального расслоения, сколько следствием господства превратных представлений о возможных формах организации жизни общества и страны. Эти представления унаследованы от марксистской идеологии с ее классовой борьбой и противопоставлением социализма и капитализма. Но все это - старые мифы, место которым не в жизни, а в историческом музее.

Хочется надеяться, что рано или поздно власть и общество примут идею о том, что должна быть выработана новая концептуальная основа поведения России в информационной сфере, четко ориентированная на конструктивное интегрирование России в мировое информационное сообщество, что и обеспечит права человека в киберпространстве.